

Л. К. Латышев

**Перевод: проблемы теории,
практики и методики
преподавания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 81-9
Л11

Л11 **Л. К. Латышев**
Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 160 с.

ISBN 978-5-458-33603-1

В книге популярно изложены основные теоретические положения переводоведения, разбираются вопросы практики перевода и методики его преподавания применительно к немецкому языку в школе с углубленным изучением немецкого языка. В книге популярно изложены основные теоретические положения переводоведения, разбираются вопросы практики перевода и методики его преподавания применительно к немецкому языку в школе с углубленным изучением немецкого языка.

ISBN 978-5-458-33603-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

преподающих иностранный язык [8; 68], однако они были ориентированы главным образом на технический перевод и проблемы его преподавания. Задача данной книги — осветить гораздо более широкий круг вопросов общей теории перевода, то есть перевода вообще, а не в каком-нибудь одном его жанровом проявлении. Сегодня это необходимо не только потому, что учитель иностранного языка сталкивается с переводом текстов разных жанров. Реалии нашего века таковы, что он наряду с другими эпитетами получил название «век перевода», что связано с небывалым ростом информации, быстрому распространению и «потреблению» которой мы обязаны переводом. Сегодня многие люди, не являющиеся специалистами-переводчиками, — учителя, инженеры, врачи, аспиранты, студенты и школьники вовлечены в переводческую деятельность, знание основ теории, границ возможностей и основных приемов которой становится уже по сути дела элементом общего образования человека. Сегодня, когда требования к кругозору и эрудиции учителя многократно возрастают, этот «элемент общего образования» как никогда необходим преподавателю иностранного языка, то есть адресату данной книги.

1. ПЕРЕВОД КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕВОДА. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРЕВОДА

Перевод — один из видов человеческой деятельности. «Деятельность» — психологическое понятие, обозначающее «специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, то есть активное отношение субъекта к действительности» [48:49].

В современной лингвистике понятие деятельности (речевой деятельности) находит широкое применение при изучении речевых процессов. Деятельность имеет сложную структуру. Она складывается из действий и операций. Для нее характерно наличие таких управляющих ею факторов (детерминантов деятельности), как потребность, мотив, цели, условия, в которых она протекает.

Любая деятельность возникает из потребности. Однако сама по себе потребность не способна управлять деятельностью субъекта до того момента, пока не будет определен предмет, овладение которым способно удовлетворить потребность [ср. 47:88]. Используя некоторую долю образности, можно сказать, что потребность как диффузное состояние неудовлетворенности, нужды «слепа» и может привести лишь к нецелесообразной активности. Она «прозревает» и получает конкретную направленность, лишь «увидев» предмет, способный удовлетворить ее. В психологии этот предмет именуется предметом потребности или предметом деятельности. Потребность, направленная на определенный предмет (определенная потребность), именуется м о т и в о м. Предмет деятельности (потребности) может быть как вещественным, так и идеальным; как данным в восприятии, так и существующим только в воображении, мысли [46:12].

Поскольку именно предмет потребности придает деятельности направленность, сообщает ей необходимую определенность, отдельные виды деятельности следует различать в первую очередь по их предметам [48:50]. «Главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов», — указывает А. Н. Леонтьев [46:12].

Что является предметом потребности применительно к деятельности переводчика? Очевидно, что для ответа на этот вопрос сначала необходимо выяснить, какую потребность удовлетворяет перевод.

Отметим прежде всего очевидное, но крайне важное для наших дальнейших рассуждений обстоятельство: своей деятельностью переводчик удовлетворяет не свою личную, а общественную потребность и руководствуется он при этом не личным мотивом, а мотивом предписанным ему обществом (общественным заказом).

Целью переводческой деятельности является «производство речевых высказываний по определенному социальному заказу», — пишет А. Ф. Ширяев. Продукт переводческой деятельности создается не под влиянием личных потребностей переводчика, а в соответствии с требованиями к этому продукту, которые относительно однообразны, устойчивы и носят социальный характер [80:119, 132, 153]. Переводчик не имеет личного мотива в рамках осуществляемой или речевой деятельности, подчеркивает О. Каде [89:32].

Все вышесказанное в принципе относится к любой профессиональной деятельности. Еще К. Маркс отмечал, что в условиях общественного разделения труда объективное значение деятельности может не совпадать с ее субъективным смыслом (тем смыслом, который она имеет для субъекта деятельности). «Для себя самого рабочий производит не шелк, который он ткет, не золото, которое он извлекает из шахты, не дворец, который он строит. Для себя самого он производит *заработную плату*, а шелк, золото, дворец превращаются для него в определенное количество жизненных средств, быть может, в хлопчатобумажную куртку, в медную монету, в жилье, где-нибудь в подвале» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 6. — С. 432].

Итак, какой общественной потребности отвечает перевод?

Без долгих размышлений можно ответить, что перевод удовлетворяет постоянно возникающую потребность общения между людьми, не владеющими общим языком, или, иначе говоря, людьми, разделенными лингвоэтническим барьером¹.

Однако этот лежащий на поверхности ответ не может удовлетворить нас, ибо он не раскрывает специфики перевода и удовлетворяемой им общественной потребности. Общение с помощью переводчика отнюдь не единственный способ общения через лингвоэтнический барьер. В частности, существуют неязыковые способы преодоления многоязычия: естественные и конвенционные жесты (например, арбитров на спортивных площадках), международные переговорные коды, международные знаки (например, дорожные), математические, химические и т. п. формулы, общепонятные символы («курить запрещено», «места для инвалидов», «вход», «выход», «столовая» и пр.). Эти способы общения, не требующие языкового посредника, имеют чрезвычайно узкую сферу применения, предоставляют крайне ограниченные возможности для обмена информацией. Если мы возьмем за эталон для сравнения одноязыч-

Расхожее понятие «языковой барьер» не вполне адекватно, ибо, как будет показано в дальнейшем изложении, препятствием для общения разноязычных людей является не только отсутствие у них общего языка, но и расхождение их национальных культур.

ную коммуникацию¹ как наиболее естественный вид языковой коммуникации, открывающий максимально широкие возможности общения, то мы должны будем отметить, что по своим возможностям неязыковые способы общения даже отдаленно не приближаются к ней.

Языковое посредничество (общение разноязычных коммуникантов с помощью языкового посредника, владеющего двумя языками) открывает несравнимо более широкие возможности для общения через лингвотнический барьер. Общение с помощью языкового посредника при определенных условиях по своей эффективности может п р а к т и ч е с к и сравняться с обычной, одноязычной коммуникацией.

Однако говоря о языковом посредничестве, мы не должны забывать о том, что оно не идентично переводу. Понятие языкового посредничества шире понятия перевода: перевод является лишь одним из его видов. Не все, что сделано языковым посредником, может быть признано переводом. Так, например, достаточно широко известен случай, когда В. И. Ленин отказался признать переводом перевод одного из положений Маркса, сделанный Г. В. Плехановым. «Плеханов дал пересказ, а не перевод <...>, вольный пересказ Плеханова не обязателен для тех, кто хочет знать самого Маркса», — написал по этому поводу Ленин [Ленин В. И. Поли. собр. соч. — Т. 18. — С. 103—104].

Пересказ — один из видов языкового посредничества, используемый для передачи главным образом литературных произведений. При пересказе могут опускаться мало что говорящие иностранному читателю детали повествования, менее точно, чем в переводе, воспроизводиться текст и т. д. В пересказе для детей изданы у нас известные произведения Дж. Свифта о путешествиях Гулливера; широко известна у нас в разных пересказах сказка Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»; в 1983 году в издательстве «Правда» вышел сборник американского фольклора «Народ, да!», в котором наряду с переводами широко представлены пересказы. Широкое распространение получил такой вид языкового посредничества, как реферирование иностранных источников, в процессе которого максимально сокращается объем первичного документа при сохранении наиболее существенных элементов его содержания. Достаточно распространенным видом языкового посредничества является так называемый сокращенный перевод. В устном двуязычном общении широко применяется не получивший пока своего обозначения вид языкового посредничества, который заключается в том, что общающийся не формулирует подлежащий переводу, пересказу и т. п. текст, а лишь ставит языковому посреднику коммуникативные задачи типа: «Спросите то-то», «Узнайте это», «Постарайтесь добиться того-

¹ Одноязычная коммуникация — речевое общение, в котором общающиеся пользуются одним общим языком. Двуязычная коммуникация — общение, в котором используются два разных языка. В этом случае, как правило, необходим языковой посредник.

то» и т. Д., и языковой посредник сам, не пользуясь «оригиналом», формулирует текст на иностранном языке. Этот вид языкового посредничества можно именовать текстуализацией интенций, то есть преобразованием интенций (коммуникативных намерений общающихся) в текст на иностранном языке. В практике двуязычного общения встречаются и другие («гибридные») виды языкового посредничества. Как центральное звено двуязычной коммуникации языковое посредничество во всех его реальных проявлениях изучено еще явно недостаточно¹.

Очевидно, что каждый из видов языкового посредничества отвечает собственной специфической общественной потребности. Нас интересует, что представляет собой та потребность, которой отвечает перевод.

Сопоставив перевод с другими видами языкового посредничества, обобщив требования, предъявляемые к переводу на практике, и учтя тенденции его развития, можно сделать вывод, что перевод призван удовлетворить потребность общества в двуязычной коммуникации, в максимальной мере приближенной к естественной, одноязычной коммуникации. Соответственно, можно говорить об общественном предназначении перевода, состоящем в том, чтобы обеспечить двуязычную коммуникацию в максимально возможной мере «по образу и подобию одноязычной». При этом речь идет лишь о возможности *п р и б л и ж е н и я* коммуникации с переводом к естественной, одноязычной коммуникации, а не о том, чтобы они сравнялись. По ряду причин (наиболее существенные из которых будут освещены ниже) последнее невозможно.

Общественное предназначение перевода существует объективно, то есть независимо от мнений и желаний переводчиков, потребителей и заказчиков перевода. Оно зафиксировано в общественном сознании в форме некой суммы представлений о том, каким должен быть перевод. Поскольку общественное сознание не есть сумма сознаний отдельных личностей, а качественно особая духовная система, которая живет своей относительно самостоятельной жизнью, отнюдь не каждое индивидуальное представление о переводе соответствует его объективному общественному предназначению. Среди субъективных представлений о переводе встречаются и такие, которые искаженно отражают общественное предназначение перевода, неверно трактуют его природу и возможности². В специальной литературе общественное предназначение перево-

¹ Само понятие языковое посредничество (Sprachmittlung) введено в научный обиход лишь недавно известным лингвистом из ГДР Отто Каде [см.: 89].

Несколько подробнее на этом вопросе мы остановимся ниже. Здесь же **расскажем** об одном поистине анекдотическом случае. Некий специалист, собиравшийся выступить перед зарубежной аудиторией, потребовал от переводчика, чтобы **тот** переводил его по отдельным словам: «Я скажу слово, вы меня переведете, потом я скажу еще одно слово, вы меня опять переведете и т. д.». Когда переводчик возразил, сказав, что такой перевод невозможен, специалист заявил, что сам знает, **что** возможно, а что — нет. Дело кончилось конфликтом. В данной связи возникает **мысль** о необходимости широкого распространения популярных знаний о переводе.

да находило свое выражение фрагментально — в форме высказываний, содержащих отдельные требования к переводу и деятельности переводчика. Сформулированное нами положение об общественном предназначении перевода можно рассматривать как обобщение отдельных наблюдений за переводом, отдельных суждений компетентных специалистов о переводе. Рассмотрим некоторые из них.

«Текст перевода,— отмечает В. Н. Комиссаров,— приписывается автору оригинала и используется так, как будто он и есть оригинал. В частности, перевод цитируется, как слова автора». [28:4; 29:31]. Что касается переводчика, то традиционно считается, что он тем лучше выполняет свою роль, чем меньше он замечен, чем меньше бросается в глаза его участие в создании текста перевода [39:116]. Переводчик не относится к числу непосредственных участников коммуникации, он лишь посредник между ними, который сам не нуждается не только в переводе, но иногда и в информации, существующей в форме текста на исходном языке.

Смысл этих высказываний сводится к, казалось бы, парадоксальному положению: несмотря на наличие языкового посредника люди, общающиеся с помощью перевода, общаются непосредственно, «напрямую». Роль переводчика такова, что его присутствие в идеале вообще не должно ощущаться. И если практически это невозможно, переводчик должен к этому стремиться. Общественный смысл предписываемой переводчику «незаметности» — в общественном предназначении перевода: обеспечить двуязычную коммуникацию, в максимально возможной мере приближенную к естественной, одноязычной.

Общественное предназначение перевода находит свое отражение также в таких традиционных требованиях, согласно которым текст перевода должен восприниматься получателем так же, как он воспринял бы текст оригинала, если бы он владел соответствующим языком, и читался бы так же, как оригинал, то есть чтобы по языку перевода не чувствовалось его иностранное происхождение.

У некоторых авторов общественное предназначение перевода выражается в несколько завышенных требованиях к нему, исходящих из преувеличенной оценки его реальных возможностей. Так, по мнению В. Г. Гака и Ю. И. Львин, «в задачу перевода... входит не только точное изложение содержания мыслей, сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения» [18:9]. А. В. Федоров считает, что «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [70:151].

Нельзя не согласиться с Р. К. Миньяр-Белоручевым в том, что подобные завышенные требования к переводу «фактически перечеркивают возможность перевода вообще» [52:32—33], однако на данном этапе наших рассуждений важно не это, а то, что такого рода мнения ученых-переводоведов отражают общественное мнение о переводе, которое признает за переводом способность полноценно заменить оригинал.

О том, что идеалом двуязычной коммуникации с переводом всегда была естественная, одноязычная коммуникация, свидетельствует и тенденция развития перевода — широкое распространение синхронного перевода, ликвидирующего неестественный для одноязычной коммуникации разрыв между звучанием речи отправителя и восприятием ее содержания потребителем перевода, а также дублирование кинофильмов, в максимальной мере приравнивающее (по условиям восприятия речи действующих лиц) зрителей кинокартины-оригинала и зрителей ее иноязычного дубля. Неестественный для одноязычной коммуникации акт перевода, лежащий в основе дублирования, скрыт от кинозрителей, так же как скрыт акт перевода от читателей переводной литературы.

Существующее как элемент общественного сознания общественное предназначение перевода начинает актуально осознаваться членами общества (особенно не являющимися специалистами в области перевода), как правило, лишь в тех случаях, когда перевод в чем-то не соответствует этому предназначению: «Перевод неточен», «Перевод слишком далек от оригинала (чересчур вольный)», «Этот перевод на русский язык звучит не по-русски» — вот наиболее типичные претензии к качеству перевода.

Не столь частой, но все-таки достаточно часто встречающейся критикой в адрес перевода являются упреки в недопустимой национально-культурной ассимиляции перевода (его русификации, англизации, онемечивании и т. д.). «В этом переводе Диккенса британские джентльмены разговаривают таким языком, будто они живут в Пятисобачьем переулке в Коломне и только притворяются британцами, а на самом деле такие же Иваны Трофимовичи, как персонажи Щедрина или Островского», — написал по поводу одного русифицированного перевода К. И. Чуковский [77:119].

На первый взгляд может показаться, что действующий в переводе запрет на национально-культурную ассимиляцию переводного текста противоречит положению о том, что перевод призван обеспечить двуязычную коммуникацию по образу и подобию одноязычной. Однако это противоречие кажущееся: претендуя на возможность общаться с иностранцем так же, как общаются с последним его соотечественники (в рамках одноязычной коммуникации), потребитель перевода в то же время претендует на то, чтобы его иностранный партнер по коммуникации оставался самим собой и не терял в процессе перевода своей национально-культурной идентичности. Следовательно, переводимый текст хотя и должен быть «транспонирован в культуру получателя», но одновременно и в своем переводном варианте он должен сохранить инокультурный колорит. Именно поэтому, скажем, немецкое LPG не переводится русским «колхоз». Таков один из парадоксов перевода.

Если мы сравним перевод с другими видами языкового посредничества (пересказом, рефератом, так называемым сокращенным переводом, текстуализацией интенций и т. п.), то мы вынуждены будем констатировать, что они в силу своей специфики не предназначены для обеспечения двуязычной коммуникации, максимально

близкой к одноязычной. Это обусловлено прежде всего тем, что при всех этих видах языкового посредничества посредник становится соавтором сообщения, ибо он не просто делает его доступным для иноязычного адресата, стараясь остаться при этом возможно более «незаметным», но и обрабатывает его, переделывая, сокращая, добавляя, перегруппировывая содержание, заново формулируя текст, комментируя его и т. д. Если при двуязычной коммуникации с переводом ответственность за реакцию адресата сообщения несет не переводчик, а автор текста [см. 30:18] при условии, конечно, что перевод выполнен качественно, то при общении с помощью других видов языкового посредничества посредник выступает уже как «соавтор» и разделяет эту ответственность.

Вопрос об общественном предназначении перевода тесно связан с вопросом о его определении. Подавляющее большинство определений сходится на том, что перевод — это процесс преобразования текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении относительно неизменного содержания. Наиболее четко и последовательно такое понимание перевода представлено у Л. С. Бархударова [7:11]. На неполноту, приблизительность подобного определения перевода указывает В. Н. Комиссаров, справедливо считая, что определение нельзя строить на одном единственном и к тому же весьма относительном (проявляющемся то в большей, то в меньшей мере) признаке [29:43].

Вероятно, именно поэтому ряд определений перевода наряду с указанием на точность изложения исходного содержания включает в себя указание на функционально-стилистическую адекватность переводного текста, на его соответствие оригиналу в части стиля и формы (см. приводившиеся несколько выше положения В. Г. Гака и Ю. И. Львина; А. В. Федорова). Широко известно положение Я. И. Рецкера о том, что «перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем» [59:7]. Однако и такой признак перевода, как функционально-стилистическое соответствие оригиналу, соответствие формы перевода и оригинала, как показывает практика, также весьма относителен.

Конечно, определение перевода вполне может быть построено и на перечне его относительных признаков, если этот перечень достаточно полон, тем более что наблюдения за переводом не позволяют выделить такие его лингвистические характеристики, которые проявлялись бы в одной и той же мере, не варьирующей от одного случая к другому.

Уязвимость многих определений перевода и требований к нему в том, что они выдвигаются либо априорно — как нечто само собой разумеющееся, либо на чисто эмпирической основе — как результат практического знакомства авторов с переводческим делом. Такой подход к решению задачи не позволяет продвинуться дальше определений, представляющих собой перечень свойств перевода (иногда подлинных, а иногда желаемых). При этом остается без ответа вопрос, почему именно данным сочетанием качеств должен обладать перевод, почему, например, перевод должен передавать

ут только то, *что* выражено подлинником, но и то, *как* это выражено d нем? Может быть, вопрос о требованиях вообще излишен, раз они все равно выполнимы лишь относительно?

Все вопросы такого рода получают свои ответы лишь в том случае, если требования к переводу перестанут быть исходными пунктами (постулатами) его теоретической концепции, а будут выводиться из других, более общих положений этой концепции и / или общих (аксиоматических) положений науки о языке и речи. Тогда появится возможность не только обосновать эти требования, но и выявить их взаимосвязь, определить их иерархию. Это даст возможность сделать шаг от априорно-эмпирических к теоретически обоснованным определениям перевода.

Такую концепцию мы предлагаем в последующем изложении. Ее отправной точкой будет выдвинутое и обоснованное нами выше положение об общественном предназначении перевода.

2. МОТИВАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ИСХОДНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТОВ

Все сказанное выше о мотиве позволяет заключить, что мотив представляет высший уровень управления деятельностью и в самой существенной мере определяет ее специфику. Поэтому осознание мотива деятельности облегчает овладение ею, способствует повышению профессионального мастерства. Очевидно, что глубокое осознание мотива деятельности необходимо и преподавателю, обучающему этой деятельности своих учеников.

Между тем мотивы деятельности далеко не всегда осознаются ее субъектами [см.: 48:304 и далее]. На наш взгляд, еще весьма неглубоко осознан сложный и внутренне противоречивый мотив, управляющий переводческой деятельностью.

Как уже упоминалось выше, мотив — это опредмеченная потребность. Общественная потребность, удовлетворяемая переводом, была определена в предыдущей главе. Что же является предметом перевода (переводческой деятельности) — тем, с помощью чего в меру, допустимую спецификой двуязычной опосредованной коммуникации, можно максимально приблизить последнюю к естественной, одноязычной коммуникации?

Очевидно, что таковым является переводной текст (ПТ). Заменяя в процессе двуязычного общения текст-подлинник, или, как принято говорить в переводоведении, исходный текст (ИТ), текстом переводным, переводчик тем самым нейтрализует разделяющий разноязычных коммуникантов лингвоэтнический барьер и дает им возможность речевого общения, сравнимую с возможностью общения в рамках одноязычной коммуникации. Иными словами, потребность, обуславливающая деятельность переводчика, удовлетворяется путем создания ПТ.

Очевидно также, что переводной текст должен отвечать определенным требованиям. Мы уже говорили о том, что отнюдь не каждый текст, созданный языковым посредником, может быть признан переводом (или достаточно хорошим переводом). Каковы же отличительные черты ПТ? Каким требованиям он должен отвечать?